

Александр Раткевич

КАПРИЗНАЯ АКВАРЕЛЬ (1993)

Третья книга стихотворений

«Ненависть к сегодняшним «перевернувшимся» будням и к расцветающей на наших глазах хамелеонской морали, страстная вера в силу поэтического слова и, в то же время, растерянность ввиду хладнокровного и пренебрежительного отношения к нему со стороны большинства людей, а также молитвенная жажда любви – основные мотивы книги «Капризная акварель».

© А.М.Раткевич

-I-

ПОТОК

Бурна Двина, когда снега в опале.
ещё не ясен солнечный восход,
уже пределен шум весенних вод,
а я опять в смятенье и печали.

И будто берег рушится потоком,
и размываются былинные строенья,
и нету ни защиты, ни спасенья,
от волн, мятущихся в пылу жестоком.

Лиха Двина. В лавинном половодье
мне слышатся исчезнувшие речи:
неужто вышли кривичи на вече
прославить князя и проклясть невзгодье.

И будто кони в беге полновластном
несут дружину в битву на поля;
как колокол колеблется земля,
вся в чёрном, белокипенном и красном.

Вольна Двина... Мой век – всего цитата,
но долгод путь долинных двинских вод;
и утопает весь небесный свод
на линии апрельского заката.

И будто вся природа на мгновенье
слилась в дыхании единого потока;
и нет конца, и не было истока,
и лишь Двины широкое теченье.

1987

* * *

На Воловье озеро
навалилась мгла:
под стопой бульдозера –
божие дела.

В воздухе, как марево,
звон безмолвья лют:
сквозь безверья зарево
веру бросил люд.

Бывшие величества
под водою спят,
злые сны язычества
без конца глядят.

Без начал в дичании
род – уже ничей:
в озера молчании
крики кривичей.

И забвеньем скованы
Хорс, Перун, Сварог...
Боги четвертованы,
чтоб родился Бог.
1989

* * *

Горят прошлогодние травы –
наряд новобрачной земле.
Весь берег – подобье оправы,
всё небо – в озёрном стекле.

Горят... И ожогами смысла:
я в лодке иль на кресте?
И горбится, как коромысло
моё отраженье в воде.

Горят прошлогодние... Если
я в лодке, то не один.
И там ли огонь, здесь ли, –
в нём нет золотых середин.

Горят и горят... Направо,
налево – дань красоте.
А вдруг – это вновь потрава
и я на кресте, на кресте.
1988

* * *

Я снова проклят временем
и этою страной:
проклятье звёздным бременем
сияет надо мной.

Стихи мои отмечены

не Млечной полосой,
а исподволь подсвечены
церковною свечой.

Какая скудость лунная
по нашей по степи,
и время, страсть табунная,
срывается с цепи.

Да этою ль планидою
я был всегда влеком?..
Проклятье панихидою
смеётся над стихом.

И вдруг сквозь взгляды лживые
я вижу в тишине,
как звёзд глаза фальшивые
подмигивают мне.
1992

РАЗДВОЕНИЕ

Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола,
как в небе шёлково-атласном
есть и свечение, и мгла.

Моё рождение во мраке –
о смерти думать не пора.
Что между ними: жизнь во фраке
иль этой жизни мишура?

Что ночь, разъятая на части,
и день, скользящий в полутьму,
когда сквозь страсти и не-страсти
я смысла жизни не пойму?

Близка концовка этой жизни,
звезда безмерно далека,
и мысли – искристые слизи –
меж ними мечутся пока.

Не очистительно страданье,
не возвышающая любовь,
и раздвоенья изваянье
сознанием управляет вновь.

Быть может, жизни вовсе нету,
а есть мгновенье, вспышка, вздрог,
по рядовому трафарету
вдруг подводящие итог?

И было ли оно, рождение,
когда в полуночной тиши
скрываю, как сердцебиенье,
трагичность собственной души?

Она – в молчании бесстрастном,
и жизнь молчит, сгорев дотла.
Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола.

1992

* * *

Перевернувшиеся будни
скрипят мне, смыслу вопреки:
как близнецы, мы обоюдны
и антиподны, как враги.

Меня тошнит от этой квоты.
Пусть снег, упавший серебром,
не блещет смыслом – хуже рвоты
подошва чёрная на нём.

Вчерашний бог сегодня дьявол.
Я, что ли, гения умней?
Я перевёртышем не плавал
по глади временных морей.

Мне обоюдность – как онуча,
потливый дарящая яд.
Скрипуча жизнь, кровать скрипуча,
когда нелюбящие спят.

Когда, бессмыслицы короче,
бдит антиподность за меня,
то будет день чернее ночи,
и будет ночь белее дня.

1992

* * *

Жизнь моя совсем неинтересна,
как часов песочная горбинка:
слишком монотонно, бессловесно
золотая сыплется песчинка.

Как часов песочная горбинка,
каждый день одинаков воочью:
утром – маленькая разминка,
днём – работа, писание – ночью.

Слишком монотонно, бессловесно
каждая моя минута стынет;

кажется порой: песчано-пресно
время на меня нахлынет.

Золотая сыплется песчинка
слишком монотонно, бессловесно –
как часов песочная горбинка,
жизнь моя совсем неинтересна.

1986

* * *

О, мой современник, сплавленный
из гения и недоучки,
не ты ль, болтовней отравленный,
целуешь варварству ручки.

Не ты ль, прияв вдохновение, –
а может быть, это вывих –
срываешь в одно мгновение
героев, вчера любимых.

Не ты ль над верой бездожденной
склонялся, мир удивляя, –
сегодня, как новорожденный,
орёшь, её проклиная.

Не ты ли искал спасения
в добре, надежде, отчизне
от вечного раздвоения
отмеченной дрожью жизни.

И вот ты в огне смятения,
как обворованный вором, –
в тебе недоучка гения
выклевал, словно ворон.

1992

ФИГОНОСЦЫ

Наконец-то они появились, новейшие люди,
для которых мудрейшие мысли – как зельц на блюде
и которым приятно завидовать тем, у которых
сохранён и готов к возгоранию в сердце порох
неумолчного творчества или желанного риска.

Наконец-то они появились и жаждут, как риска
остроногого жала, когда не ясна, возмездья
над рукою дающей, над добреньким чувством, бесчестья
пережить не сумевшего, и – осуждение надо ль –
не узревшего в новом холёную старую падаль.

Наконец-то они появились, лампадники века,
осветители злости, сжигатели даже снега,

устроители дня средь всеобщей владычицы-ночи,
что не ведает сна, но полна абразивной мочи
для стирания извилин в мозгах, что ещё не развились.

Наконец-то они, наконец-то они появились,
долгожданные люди, которым смотреть умильно
на паденье достоинства и на рождение сильной
деградации логики типа ослиного ига
и внутри у которых уже не душа, а – фи́га.

1992

СМЫВ

Колоннада с треснувшей подмёткой,
лимонада запах с русской водкой,
мужики с пропитыми мозгами,
женщины с гранёными ногами.

Проклинают языки жаровню,
серп и молот вымазаны кровью,
ветеран в кармане орден прячет,
говоря, что никогда не плачет.

Повара, присев на подоконник,
изучают вылинявший сонник:
«Мне вчера приснился куст малины».
«Боже мой, как тощи магазины!»

Дрожжевой над ними нимбом запах,
чей-то взгляд колючками на лапах
или голос: «Что уселись, шлюхи?!»
И ответ: «Пошёл ты, лопухий!»

Буйный цвет и мата, и отрыжки,
банка с пивом пенится на книжке,
обрамляя буквы названья:
«Мы придём к разгулу процветанья».

Молодцом стоит и не повержен,
подперев плечом колонны стержень,
крупный парень – чей-то острый ножик
на его живот нанёс чертёжик.

Рвота на асфальте как цветенье,
запах крови вносит обновленье,
скрежет «скорой», белые халаты
и прохожих временные взгляды.

Непохожи серенькие тучи
на тоску и жалость, как онучи,
обмотавшие – ха-ха! – сурово
глаз поблэкший неба голубого.

Враз сожгло зрачок косящий солнце,
улеглось лихих речей суконце,
хлынул ливень, [- - -] жестоко
с колоннады местное барокко,

канонаду ругани, с подмёток
грязь, плевки, окурочный ошмётот,
кровь с ножа, с мозгов миазмы водки,
с тротуаров запахи селёдки,

с деннавара хищные наживы,
с поваров улыбки блеск фальшивый,
с языков проклятие тирана,
страх с лица хмельного ветерана,

с книжки буквы ржаво-золотые,
с пива пены завитки седые,
с женщин спешку, с нервов оскуденье
и с меня зуденье.

1992

СОВА

Закат оранжевый с ума сошёл.
Толпятся мысли в голове:
сегодня вот тоску нашёл
я и в озёрной синеве.

Какого чёрта я хотел –
ведь всё просеяно сквозь сито.
Ещё вчера любовь вертел,
как кубик-рубик, деловито.

Теперь же нежные слова
скользят сквозь пальцы, словно скверна.
И взглядом косвенным сова
уста пронзает суеверно.

Совы вещанье не сломить.
Горят глазищи вулканично.
Она поможет мне любить?
Кого? – волнуясь риторично.

И вообще, я странным стал:
сове протягиваю руку,
и говорю, что я устал
осознавать безлюбья муку.

Что этот вечер не по мне –
тоска страшней, чем хладнокровье,
и в каждом чувстве, как во сне,

я ощущаю что-то вдовье.

Но сквозь оранжевый закат
она бубнит велеречиво
и совершенно невпопад
мигает веками учтиво.

Учтивость хуже, чем ожог.
Лицо совы в огне и немо,
как идиллический божок
и оглушённая фонема.

Какой возвышенный покой
течёт на поле, как на платья,
и стонет озеро, дугой
вдруг изогнувшись от проклятья.

Себя, сегодня, не во сне
спрошу, споткнувшись на цезуре:
любовь взорвётся ли во мне,
взметнётся ль озеро от бури?

Непонимающие – голь.
Я распинаться не холерик.
Сова сама сойдёт на ноль –
волна швырнёт её на берег.
1989

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

Я не гонюсь за страстью к продвижению
по службе сладостной, а значит к угождению
всем тем, кто выше и преобладает;
я так скажу: карьера – унижает
любого, чтящего в себе, в других, за двух
ничем незаменимую сущность – дух.

И что мне толку, если я, как поп на бесе,
известен улице, соседу иль повесе,
за модной книгою, чтоб быть на острие
бесед салонных, по стандартной колее
носящегося с долей вдохновенья.
Какая жизнь! Какие впечатленья!

Из головы я напрочь выметаю
ещё одной, но дивной страсти стаю:
копить особо вожделенные бумажки,
их доставать, раскладывать, как шашки,
передвигать таинственно и длинно,
в себе предошущая властелина.

В себе творю иные золоченья:

я счастлив тем, что волею теченья
судьбы рождён не властвовать, а светом
светиться собственным, аскетом
дни проводя, когда же ночь – в окно,
я пью искусств излюбленных вино.

1987

* * *

Я знаю, ты мечтал всегда
сказать о том, о чём другой
не скажет или никогда,
или неточную строкой.

Но вот и молодость уже
внушает: пошлости не любви,
а ты по-прежнему сквозь зубы
бубнишь готовые клише.

И ни к чему тебе забота:
любви паденье иль зенит,
когда ты чист, одет и сыт,
а рот заполнила зевота.

И не мечта теперь тобой
владеет – ты, как херувим,
меж небесами и землёй
витаешь нелюдим.

1982

-II-

* * *

Ставят памятники
героям,
победам,
сраженьям;
возвышенно ставят, красиво;
празднуют, торжествуют,
проводят митинги – с восхищеньем,
достойно и горделиво.

Но ставят ли памятники любви,
празднуют ли в определённое время,
вспоминают ли, вместе собравшись,
твёрдость её и бремя,
удивляясь строению с возгласом: «Благослови!..»?

Увы, подобных памятников не существует,
нету пока места такого,
где каждый любящий,

придя однажды с цветами,
мог бы поверить снова и снова
в силу,
в серьёзность,
в честность любви,
которая нас волнует.

1974

* * *

Любовь, как электроэнергию,
накапливать можно в душе,
чтоб после любимым не жертвою,
а светом отдать уже.

1984

* * *

А ты, как прежде, неподвластна
соблазну старческой хулы,
и вновь твои слова всечасно
непредсказуемо милы.

И льётся с уст неудержимо
воспоминанья аромат,
и ты опять непогрешимо
пророчишь нежности возврат.

Твой голос пряно и атласно
мой слух укутывает вновь,
и в жизнь врывается негласно
почти забытая любовь.

1991

* * *

Не приходи домой сегодня,
не думай обо мне, забудь
те дни, что прожили вольготно,
но от которых – прах и муть.

Не приходи домой сегодня
и сторонись теперь жилья,
где веселились так охотно
два антипода: ты и я.

Не приходи домой сегодня,
не приноси свой непокой
в квартиру памяти дремотной –
там я: ни мёртвый, ни живой.

06.10.1979

* * *

Любовь пропелась, как протяжный блюз,
но, восстанавливая в памяти мотивы
прошедших чувств, сквозь музыки разливы
вновь ощущаю саксофона острый юз.

Мне дорога мелодия, в которой
скрывалась мысль, как в ножнах трепетный кинжал,
и нам не верилось, что стынь владела шторой,
а бисер люстр испуганно дрожал.

Мне дороги слова, что новизною
блестя со сцены, словно гранями алмаз,
лишали нас неискупимую цену
неверности отточенной, как сглаз.

Мне дорог зал, где каждый звук пленял
и где, как нож, антракта в сердце хмель вонзалась;
когда мы уходили, то казалось,
что вскоре возвратимся в этот зал.

Концерт окончен, саксофон низложен,
и память сбросила души гнетущий груз,
но я беспомощен – мысль вынута из ножен:
любовь пропелась, как протяжный блюз.

1983 (1995)

РАЗВОД

Серый букет из дыма
в вазе грозы растёт.
За стебельком «любима» –
стебель пустой «развод».

Бросили мы – на случай
жребий-громоотвод;
и пожинаем жгучий,
едкий, как дым, развод.

Это уже не шутка.
Ливнем себя оплели.
В городе стало жутко,
каждый цветок – до земли.

За поцелуем – небыль.
За умолчаньем – речь.
Как не разрушить стебель,
как нам его сберечь?

И немота – безумство,
и словеса – мертвы,
если сгорели чувства,
молнией синевы.

Канет букета жребий
(всё, что осталось уже)
в непредсказуемом небе
или – в моей душе.
1988

ГОРСТЬ

Тебе...

Мне бы горсточку взглядов твоих,
хоть безмолвных, хоть малозначащих,
чтоб во мне на мгновенье утих
ветер горестей, в сердце плачущих.

Мне бы ясности буйной твоей
в выраженьи мысли взлохмаченной,
чтобы в говоре горсточных дней
не жалеть немоты растраченной.

Мне б твоих откровений лихву,
пусть надрывней, пусть опрометчивей,
чтобы горстью признанье: живу
я, твоей любовью отмеченный.
1977

* * *

Прошлогодня трава,
пар, пьянящий до дурмана...
Ты сегодня встала рано,
на меня взглянула странно:
«Думаешь, я не права?»

Вышла. Небо расцветало,
для апрельский ритуал,
слёзы лил снежок подталый
и со спешкой запоздалой
молча щёки утирал.

Птицы гомоном и трелью
распророчили тепло,
что, подобно ожерелью,
вдруг рассыпалось капелью
на озёрное стекло.

На вчерашние раздоры
мерно солнца падал луч,
открывая окна, шторы
раздвигая, словно горы,
отпирая дверь, как ключ.

«Что ж ты спишь, – вилась полого
слов урчащая кудель, –
нам с тобой не надо много:

лишь бы небо – синеоко,
лишь бы буйствовал апрель,

и под окнами сгорала
безобидно, без аврала,
как гнилое одеяло,
прошлогодня трава...
Думаешь, я не права?»
1992

РОСТЕПЕЛЬ

Ловлю мерцание твоих пронзительных зрачков
сквозь дымчатые шарики трепещущей росы.

В зелёном отраженье ломающейся льдины
подробно различаю фразы по дрожанью губ.

И в самой первой народившейся травинке
я узнаю огонь капризной акварели.
1976

-III-

* * *

В полдень апрельский, придя на поля,
видишь, как пар от подталого снега,
словно бы после большого ночлега,
мягко струится – дышит земля.

Рухнула тропка – не держит. Пора.
Вот и рябина полна ожиданья
с солнцем апрельским святого свиданья:
каждая ветка – с ветром игра.

Возле рябины взошла и звенит –
срок ли, не срок – недотрога-травица;
и кое-где, как мальчишка, водица
за молодым лучом семенит.
1982

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Поэт не оценивается количеством изданных книг,
как море – шипеньем, волнами и пеною в миг штормовой;
и если однажды сквозь камни наружу пробился родник,
то он не чистейшею ценен водой, а водою живой.
1982

* * *

В моём углу, в тиши отменной,

где жизнь прошла в раздумье вся,
я вдруг промолвлю откровенно,
что где-то Гений родился.

Пока его обычен голос
и нет цветения в душе,
но воздух полон, словно колос,
его дыханием уже.

И сердце маленькое бьётся
волне штормящей в унисон...
И отражает дно колодца
звезды рождественской бутон.
1991

МЕЖЕНЬ

Я помню музу с малолетства,
когда она, смеясь, меня
без фамильярного кокетства,
без вдохновенного огня
учила вдумываться в слово,
держат перо и каждый крик
переиначивать сурово
и осторожно в тот же миг.

Я помню: августовским летом,
когда рекой владел межень,
когда мне был ещё неведом
метафорический кремень,
она меня взяла на руки
и в реку бросила: «Плыви
сквозь поэтические муки,
сквозь муки бранные любви».

Я помню вздрог, который губы
мои неимоверно сжал,
и плоть воды нежнее шубы,
и брызг безумствующий шквал,
и музу в сумерках грядущих,
и, как в светящемся венце,
испуг в её глазах цветущих
и состраданье на лице.
1992

* * *

Как писали в начале века,
так же пишем мы и в конце,
так же рыщем по дну сусека,
чтобы рифмы сыскать в грязце.

Как и прежде струны анафор

мы пытаемся оживить
и ласкающий бриз метафор
необычностью окрылить.

Те же темы владеют нами,
те же чувства сокрыты в нас,
над бессонными голосами
те же – молнией – вспышки фраз.

И такие же ритмов звоны
околдовывают в ночи
слуха нашего перепоны,
лики наши в огне свечи.

Неужели и мы вторичны
в океане добра и зла?
Век закончится феерично,
мы, как спички, сгорим дотла.
1992

* * *

Я себя не чувствую поэтом –
в наши дни моральной хромоты
людям обескрыленным неведом
дух обожествлённой красоты.

У костра эпитетных эмоций
я один, и звёзды мошкаррой
среди всеобщих бешеных переговоров
пляшут и смеются надо мной.

На моём лице исповедальность
ядовитым взглядом сожжена,
как осточертевшая банальность,
пеплом наземь падает она.

Мне ли окровавленность метафор
слизывать с родного языка,
если однотоннее анафор
все кричат, смеясь: «А на фига?!»

Я с себя срываю ветхой тряпкой
вдохновенье – не на что смотреть.
Как и все, я – хвороста охапка,
и – скорей бы мне сгореть.
1992

* * *

«Ты исписался, как мелок», –
чернят завистники меня,
невозмутимо между строк,

как по орбите, семена.

Мне эта зависть по душе:
не уподобясь палачу,
в своём полночном шалаше
я промолчу, я промолчу.

Наверно, небу всё равно,
какие страсти на земле,
и оттого молчит оно,
как отраженье на стекле.

Так отражусь я или нет? –
вопрос, стоящий искони;
и вдруг, как метеора след –
«Не семени, не семени».
1992

* * *

Не время стихи читать,
а время стихи писать.

Но где он, прораб великий,
когда, с болтовнёй испит,
поэта съедает быт,
как время съедает лики?

Читатель смеётся вслед,
дожёвывая омлет.

Я верую не в запасы
съестные, когда, как вздрог,
ступают к нам на порог
закормленные пегасы.

Попробовать бы чуток
святого мяса шматок.

Улыбчивая мадонна
прекрасна и без еды;
но ежели нет звезды,
срывается вдруг икона.

И вязнет в дерьме мой зов,
как мясо промеж зубов.

Громаден делёж харчевный,
духовный делёж – как тать.
Неужто и мы опять
ограблены и плачевны?

Недвижимы стрелки строк –
побольше б наестся впрок.

Себя ли в себе убиваю
иль жизни даю перекур –
я снова бикфордов шнур
межстрочия зажигаю.

Не время стихи читать,
а время стихи писать.
1992

* * *

Стихи сегодня
льются, как река.
Все пишут, пишут,
затаив мыслишку:
и я в поэзии, наверняка,
свою оставлю фишку.

Поэмы выстроились
в ряд,
к заботам человечьим глухи;
как птеродактили летят,
жужжат и бодрствуют,
как мухи.

Стихи пахивают ванной;
воистину –
сплошной июнь;
сиди, выдавливая странно
стихов душистую шампунь.

И всё в них
правильно и чисто;
и каждый стих досмотрен, сыт.
И мысль –
цветастое монисто –
под солнцем
шепчет и блестит.

Но блеск сей
не врачует души.
И лист берёзовый, некрупная «особа»,
в преддверии осенней стужи
на землю падает особо.

О даль, о даль, –
не разберёшь;
прошедшее – всегда блестящее.
За ломаный

не променять бы грош
святое настоящее.

Его бы высветлить
вполне
стихом, поэмой,
но долго
чересчур
во мне,
как брага, бродит эта тема.

Как воздух сладок, если в нём
сквозь пелену сомненья
звенит российским соловьём
поэма обновленья.
1987

ПАРАДОКС

Одни говорят: первична
материя, лишь потом
она создала логично
идею, как хромосом.

Другие – идеалисты;
отвергнув силки тенёт,
они утверждают исто:
всё было наоборот.

Но это из слов мочало;
и я говорю с огнём:
поэзия – вот начало,
а суетное потом.
1980

-IV-

ТЩЕСЛАВИЕ

Поэта творит тщеславие.
Жарче взгляда икон
оно овекает пламенем
поэзию испокон.

Оно же, когда поэт
мыслит надменно,
сбрасывает на нет
поэта мгновенно.
1982

МОЛИТВА

«Сотвори мне ребёнка.

Я б от счастья погиб
за промозглость пелёнки,
за предутренний всхлип,
за бессонницы ржу,
что хранит комнатёнка.
Ничего не прошу –
сотвори мне ребёнка».

1978

* * *

Думая о днях, пропавших в прошлом,
хочется их как-то изменить,
чтобы то суметь осуществить,
что казалось раньше невозможным.

Думая о днях, что отбуянить
не успели, верую вполне:
что они сомнениями память
волновать не будут мне.

1972

* * *

Нам с тобой не надо много:
сладкий чай, спокойный сон
и – от срока и до срока –
разговоры в унисон.

Только, вроде исключения,
не даёт покоя нам:
мы, как маятники мщенья,
мечемся по сторонам.

1979

* * *

Мы все позаразились новизной.
Прочтя в строке знакомое нам слово,
орём, лицо изрезав кривизной,
не ново всё, не ново.

Состарились минута, час и год.
И слово мне внушает строже:
не нов и сморщен смерти плод,
а вот тебя моложе.

1986

* * *

Было – и я эту жизнь не ценил...
Но, как полночная тля,
лезет из кожи – свет ей не мил –

бьётся в потёмках петля.

Что же скрываешь ты шею свербёж,
муторный взгляда надсад?
Очень ведь просто из жизни уйдёшь,
но не вернёшься назад.

1990

* * *

Дорогая, который день
сам себе говорю тишком:
отчего на сердце моём
охлажденья банальная тень?

Сам себя удержать пытаюсь,
чтобы в холоде не испечься...
Дорогая, я охлаждаюсь,
чтобы вновь от тебя зажечься.

1978

ЦВЕТЕНЬЕ

Каштаны набухли – цветеньем полны,
напору - - и тепла уступая,
вступают в права полноценной весны
соцветья блаженного мая.

Каштанами полнятся все города,
как люди цветеньем, когда голубят
своё возвращение с войн и когда
не убивают, а любят.

1978

* * *

Сравнений к Вам не подобрать:
ручья изгиб-журчанье
не отражает Вашу статью
и голоса звучанье.

Мерцанье благовестных роз,
их трепет сокровенный
мне не напомнят Ваших слёз...
Вы просто – несравненны.

1986

* * *

Как много было поэтов,
как много сказано ими,
что кажется, нет секретов –
всему придумано имя.

И только не обозначено
словечко одно пока,
которое предназначена
моя написать рука.

1985